

— Какой я всё-таки злой, — вздохнул Линь.

— Ты-то? — с пренебрежением отозвался Моисей.

— Я вообще-то собираюсь отправить человека на верную смерть, — Линь не понимал, откуда у Моисея такая невозмутимость.

— Ты собираешься сделать это ради развлечения? — спросил русал.

— ... — Линь немного подумал. — Не до такой степени злой.

— Тогда всё в порядке. Если бы ты хотел получать удовольствие от человеческих смертей, я бы уже давно самоустранился, — Моисей закатил глаза. — Но, если у тебя есть иное применение моей жизни... Ваше высочество, запомните: вы — семя, вы — бог. У решений богов есть свои причины.

«Нет», — подумал Линь. Именно это ему и не нравилось. Теперь он будто бы по умолчанию имел право решать, кому умереть.

И, разумеется, имел право решать и обратное.

Вот, к примеру, разве не мог он сейчас сказать Пескровбашу: «сделай вид, что ничего не слышал, я передумал и не хочу твоей жизни»?

Конечно мог. Раз у решений богов есть свои причины, то и передумать бог имеет полное право. Людям остаётся лишь подчиняться. Им не следует спрашивать богов «почему».

Но...

«Если Пещера Тёмного Моря наглухо запечатана, так что и муха не пролетит, — тогда ладно».

Но внутри Пещеры Тёмного Моря существовала сила, которая на самом деле не подчинялась культистам. Там находились рабы, жаждущие свободы — или хотя бы не желающие умирать.

Более того, у них хватало решимости действовать: при помощи инквизитора им удалось частично спастись.

Это означало, что в Пещере Тёмного Моря имелась щель, имелась лазейка, куда можно было протянуть руку.

Если, зайдя так далеко, Линь руку не протянет, ему будет стыдно — и перед этими рабами, и

перед самим собой.

Но стоит ли это чувство стыда человеческой жизни?

Группа Пескровбаша состояла из людей, ближе всего находящихся к Пещере Тёмного Моря и не являющихся культистами.

Пещера Тёмного Моря лежала в глубине подводных горных хребтов, а пещера, где скрывалась группа Пескровбаша, — на самом краю этой цепи.

Многодневная осторожная разведка позволила им изучить местность; то, что они сумели выбраться из Пещеры Тёмного Моря и добраться до пещеры, заранее подготовленной инквизитором Дыммечом и оснащённой установкой для производства кислорода и системой очистки пресной воды, доказывало: они знали путь. По крайней мере, Пескровбаш знал дорогу из Пещеры Тёмного Моря к их убежищу.

А значит, они знали и обратную дорогу — от убежища назад, в Пещеру Тёмного Моря.

«Если хотя бы один из них — всего один! — сумеет пронести имя Ока Зазеркалья внутрь Пещеры Тёмного Моря, к тем рабам, что ещё не смогли сбежать...»

Линь молча смотрел в темноту. В её глубине отражались бесчисленные неосвещённые зеркала.

«...Достаточно одного. Достаточно зажечь хотя бы одно зеркало».

Если он сумеет зажечь хотя бы одно, он не осмелится гарантировать спасение инквизитора Дыммеча, но сможет протянуть руку помощи другим инквизиторам и обычным людям, которые в будущем будут брошены в клетку Пещеры Тёмного Моря, подарить им надежду на спасение.

И снова тот же вопрос.

Стоила ли эта надежда человеческой жизни?

— Я такой злой, — повторил Линь.

Хотя шансы спасти инквизитора Дыммеча были ничтожны, он всё равно отправлял Пескровбаша на смерть.

Он постарается защитить птицелюда, но одиночное проникновение в Пещеру Тёмного Моря всё равно оставалось равносильно самоубийству.

К тому же он получит не только добровольную жертву Пескровбаша, но и веру более чем сорока беглых рабов.

Пусть вера этих сорока с лишним рабов и была частью другой сделки.

Теперь Линь вполне легально развил интерес к подводным лодкам и, через связи Ходогоры — бывшего президента студсовета, — познакомился с Ассоциацией развития подводных судов. Он уже получил приглашение на их следующую встречу, где сможет под предлогом любопытства задать кое-какие вопросы.

Например: как менять батареи у подводных лодок.

Прибытие троицы во главе со Снежноцапкой принесло беглым рабам не только грибные культуры, но и алхимическую батарею.

Подводная лодка, отобранная у культистов, при наличии повреждённой системы вентиляции и подачи кислорода с энергией проблем не имела: в ней была встроена алхимическая батарея, способная ежедневно вырабатывать электричество и преобразовывать магию в энергию.

По мнению Линя, эту «алхимическую батарею» следовало бы называть мини-алхимической электростанцией. Но как ни назови — она всё равно оставалась иномировой чёрной технологией.

Если установить эту батарею на подзаряжаемую подводную лодку, которой владела группа Пескровбаша, они смогут покинуть пещеру и попробовать вернуться на материк.

Проблема заключалась в том, что обитатели пещеры были либо неграмотными, либо людьми с низким образованием; единственный человек с высшим образованием — историк — ничего не понимал ни в батареях, ни в электронике.

Линь, специалист по ритуалам:

— ...

Линь, специалист по ритуалам, снова решил пустить в ход свои связи.

Он научится переоборудовать подводные лодки — беглые рабы научатся у него — и тогда больных можно будет отправлять в города. Взамен Линь получит веру. Такова сделка.

Они согласятся. У них не было выбора. У них был только Око Зазеркалья.

— Пользоваться чужой бедой... — вздохнул Линь.

— Такой злой? — подхватил Моисей.

— Разве вера не должна быть свободным выбором человека? — юный бог подпёр лицо ладонями.

Моисей потерял дар речи.

— Свободой? Свободный выбор верить в ту шлюху?

Линь серьёзно кивнул.

— Выбор умереть ради веры — тоже свобода.

«Верить Деве Серебряной Луны можно — если готов умереть?» — у Моисея дёрнулся уголок рта.

Он не стал продолжать спор с этим зациквившимся семенем и сменил тему:

— Не хочешь подумать о чём-нибудь приятном? Ваше высочество, вы ведь переезжаете в новый дом.

«А», — Линь словно очнулся.

Сегодня наступил второй день с тех пор, как он потребовал у Пескровбаша жизнь.

Новый календарь, 991 год, сорок восьмая неделя, суббота. Заявку Линя одобрили ещё в четверг, а вчера он получил ключи от нового жилья.

В эти выходные у него не было переработок, поэтому переезд назначили на текущий день.

Линь вернулся в своё тело и увидел, что трамвай, в котором он ехал, уже почти достиг платформы.

Пятнуля и Хвостик, поднявшиеся со своих мест, протиснувшись к дверям и прижавшиеся лицами к стеклу, восторженно разглядывали самый обычный трамвайный перрон.

Станция называлась «Инквизиционные общежития». Вдоль улицы тянулся ряд аккуратных малоэтажных домов — служебные квартиры, предоставляемые Инквизицией инквизиторам.

Трамвай остановился. Линь, который сегодня редкий раз раскошелится на проезд, вместе с двумя детьми сделал несколько рейсов, выгружая с трудом уместившиеся пожитки.

Когда всё оказалось перенесено, водитель и кондуктор, поняв, что Линь не собирается доплачивать за простой, с недовольными лицами тут же уехали.

В обычный день Пятнуля наверняка показал бы трамваю язык, но сегодня ему было не до того. Он с открытым ртом смотрел на красивые фасады домов, изящные балконы и выкрашенные в молочно-белый цвет двери.

Котолюд вдруг съёжился и повернулся к Линю.

— Линь... — с тревогой заговорил Пятнуля. — Мы правда можем жить в таком месте?

— Можем, — ответил Линь. — Когда я ночами зубрил, ты ведь специально ради меня крал столько рыбы.

— Но... — Пятнуля снова повернулся к домам, благоговейно их разглядывая. — Рыбой такой дом не купишь.

Это была правда. По сути, льготы инквизиторов состояли из жилья, купленного ценой жизни.

«А, кстати об этом...»

Линь неподвижно стоял, пока Хвостик тихонько не дёрнула его за рукав. Он очнулся, взял девочку за руку, посмотрел на номера домов и указал на один из них:

— Улица Зелёной Керамики, А12. Мы на первом этаже, квартира 102.

Хвостик протянула долгое «о-о-о...» и крепче сжала руку Линя.

— Зайдём посмотрим? — предложил Линь обоим. — Вещи пока можно оставить здесь, тут воров нет.

Он взял Пятнулю за руку и, ведя колеблющихся детей, поднялся по ступеням к двери дома А12 на улице Зелёной Керамики, где потянулся к ручке.

Дверь открылась прежде, чем ему удалось к ней прикоснуться.

Линь и оказавшийся за дверью светловолосый мужчина уставились друг на друга. Через пару секунд ритуалист спросил:

— Вы... пришли с верховным инквизитором с визитом к одному из коллег?

— Чего?! — секретарь Ловветро Гордон вздёрнул свои мягкие пёсьи уши. — Я тут живу! А ты сюда зачем пришёл?!

— Я переезжаю, — с полной уверенностью ответил Линь.

— А... Слышал, что ты подал заявку на квартиру... — начал секретарь и тут же осёкся, опустив взгляд и встретившись глазами с юными котолюдом и мышелюдкой, прятавшимися за Линем. Он услышал их шёпот:

— Это тот плохой человек, который в прошлый раз деньги отбирал...

— ...

Секретарь схватился за грудь, чувствуя, что сейчас его стошнит кровью.

Но всё же он сделал последнюю попытку:

— Вы все переезжаете в этот дом? В какую квартиру?

— 102-ю, — великодушно ответил Линь.

Светловолосого пёсолюда качнуло; он схватился за дверной косяк, чтобы не упасть.

«Да ладно? Неужели я тогда действительно слишком сильно его дразнил? — мельком задумался Линь. — В следующий раз, пожалуй, стоит просто сходить в бухгалтерию за компенсацией переработок».

Но это не помешало ему с любопытством спросить:

— А вы?

— Напротив, — устало ответил секретарь.

Линь, Хвостик и Пятнуля:

— Ого-о-о!

— Зарплата у секретаря верховного инквизитора, наверное, немаленькая, — вслух принялся рассуждать Линь. — Почему вы не купили собственный дом?

— Жить здесь удобнее — когда приходится срочно возвращаться в центральное отделение Инквизиции, — ответил секретарь и выглянул наружу, замечая сложенные у улицы тюки.

Он снова посмотрел на Линя. Тот был в рубашке и свободных кожаных брюках — без фирменного чёрного пальто инквизитора, — но и рубашка, и брюки входили в форменную одежду.

«Он что, носит выдаваемую форму на повседневной основе?» — подумал секретарь. Заметив пыльные следы на ткани, он понял: это от переноски багажа.

Для удобства темноволосый ритуалист закатал рукава до локтей и расстегнул две верхние пуговицы. Открытый ворот подчёркивал его худобу.

Секретарь, являвшийся служителем и привыкший заботиться о хрупких ритуалистах, не удержался:

— Я помогу тебе с вещами.

— Но вы же собирались выйти? — спросил Линь.

— Хотел купить что-нибудь для приёма гостей, но это не срочно, — ответил секретарь.

Раз так, Линь не стал отказываться и отступил в сторону, освобождая проход.

Секретарь подошёл к куче багажа и без особых усилий поднял сразу три сложенных друг на друга тяжёлых тюка.

Пятнуля и Хвостик снова раскрыли рты. Линь, примерно представлявший разницу в физической силе между служащими и обычными людьми, лишь бросил взгляд и первым вошёл в дом.

Сразу за входом располагался коридор с узорчатой плиткой, затем шла полуоткрытая дверь квартиры 101 — там, видимо, и жил секретарь.

Напротив находилась 102-я. Линь вставил ключ и открыл дверь. Перед ним предстала небольшая прихожая.

Пятнуля и Хвостик влетели в квартиру. Линь услышал их восторженные крики, и ему пришлось

прикрикнуть:

— Не шумите, соседям мешаете!

К этому моменту секретарь уже занёс багаж. Линь отступил, давая ему пройти, и произнёс:

— Сложите пока в прихожей, спа... спасибо?

Он запнулся.

Потому что заметил: оставшиеся два огромных тюка тоже уже были на пути внутрь.

Следом за секретарём вошёл птицелюд с белыми волосами и розовыми глазами, в непривычно чёрном костюме. Он поставил два больших тюка в прихожей, выпрямился и улыбнулся Линю.

Это был Фельдграу Дуофюр.

<http://bllate.org/book/12612/1354186>